

Елена РУМАНОВСКАЯ

Кругосветное путешествие на фоне Гражданской войны в России

Мой отец, Леонид Борисович Кантор, был интересным человеком, и я любила слушать его рассказы о жизни. Вот один из них — о кругосветном путешествии (к рассказу добавлены некоторые документы и воспоминания, собранные мною).

D В 1918 году, когда началась эта история, никакого кругосветного путешествия, конечно, не планировалось, речь шла всего-навсего о детской «питательной колонии Союза городов»

шено на лето отправить детей в «хлебные губернии», как тогда называлось, «подкормиться». Союз городов назначил цену — 75 рублей с человека (в колонию принимались дети от 7 до 19 лет), и мой отец вместе с двумя младшими братьями — Михаилом и Владимиром — отправился на Урал. Домой они вернулись только через три года, проехав во время Гражданской войны всю Сибирь и Дальний Восток, проплыв через два океана, с остановками в Японии, США (Сан-Франциско, Нью-Йорк) Франции (Брест, Киль) и Финляндии. Отправились они не одни, вместе с ними было еще почти 1000 детей и подростков и воспитатели.

Впрочем, насчет цифр существуют расхождения: папа всегда говорил о тысяче детей, «1000 путешественников» называлась напечатанная в 1929 году в знаменитом ленинградском детском журнале «Еж» повесть Л. Савельева и В. Цауне, ту же цифру называет Георгий Дитрих в своей книге 1927 года «Конец и начало» (обе давно являются библиографической редкостью), но, скорее всего, тысяча была округлением. Другие источники называют около 800, а точное количество возвратившихся детей, переданное по спискам советским властям в 1921 году, — 777 человек.

Начало

Итак, путешествие началось 18 мая 1918 года с Финляндского вокзала в Петрограде, откуда на санитарном поезде № 101 в город Миасс на Урале отправилась первая группа, в которой было около 400 человек. Папа и его братья были именно в ней, так как здесь собирали гимназистов и учащихся реальных училищ (братья Канторы учились в «Анненшулье»). Второй эшелон отправился 25 мая в город Петропавловск в Казахстане.

Леонид Кантор

Из повести Л. Савельева и В. Цауне (Валентин Цауне вместе с сестрами Ольгой и Евгенией и матерью Елизаветой Федоровной был в составе колонии):

«У санитарной платформы стоял длинный и пустой поезд. Он вытянулся белой блестящей полосой. Белые теплушкы чередовались с белыми вагонами 4-го класса, середину занимал большой, с зеркальными стеклами пульмановский вагон, а дальше — вагон-лазарет, вагон-кухня и вагон-ледник.

Пятьдесят вагонов было в этом поезде, и на каждом вагоне красный крест. <...> Теплушка № 16 — внутри такая же белая и чистая, как и снаружи. В середине железная печка, по обе стороны у стен парусиновые койки в два этажа, всего 16 держащихся на пружинных винтах коек».

О дороге папа не рассказывал, начиная историю с пребывания в Миассе, куда прибыли через три недели после отъезда из Петрограда. Это был небольшой городок на Южном Урале, недалеко от Челябинска, в живописнейших местах, где в 1920 году организовали Ильменский заповедник. (Мы с папой и мамой побывали там специально уже в 1969 году — впечатления незабываемые!)

Сначала жизнь петроградских колонистов была вполне приличной — достаточно еды, великолепная природа, свежий воздух, — правда, поселили их во флигеле больницы, а в другом флигеле, напротив, размещался холерный барак, из которого вывозили гробы, облитые известью. Но папа об этом не вспоминал, мне он рас-

сказывал о привольной летней жизни городских детей, оказавшихся на свободе.

Тем временем сценарий Гражданской войны развивался так, что детская колония оказалась в одном из эпицентров: фронты отрезали путь назад, в Петроград, деньги кончались, зимних вещей с собой никто не брал, рассчитывая вернуться через три месяца, к началу учебного года. А осень и зима на Урале суровые, дети и воспитатели мерзли, связи с Петроградом не было. Тогда решили старших детей распределять по семьям местных жителей, естественно, тех, кто побогаче, чтобы спасти от голода. Но интеллигенции было мало, в основном зажиточнее были те, кого советская власть называла «кулаками», — богатые крестьяне, купцы и т. п., а они не хотели кормить детей даром, заставляли работать. Было тяжело, какие же городские дети знали крестьянскую работу? Папе повезло: в Кургане, куда отправили группу детей, он попал в семью врача, который хорошо к нему относился и кормил наравне со своими детьми, а вот его брат Михаил оказался у купца, заставлявшего 11-летнего мальчика тяжело работать. Папа учился в Курганской гимназии, но почему-то о ней не рассказывал.

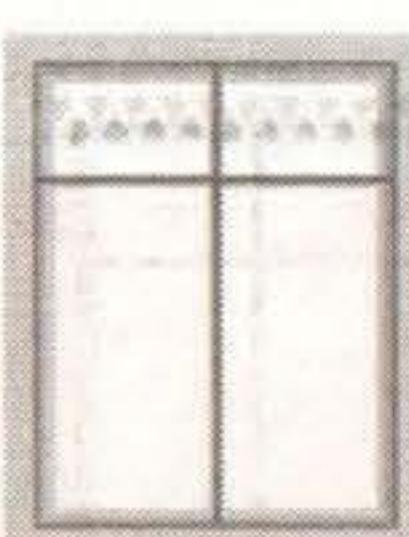
Вторая колония не доехала до Петропавловска, а остановилась в пустовавшем санатории «Кургинские минеральные воды», в поселке Кури, в ста километрах к востоку от Екатеринбурга. У меня хранится уникальный документ — рукописная газета «Кургинская мозаика» за № 1 от 13 июля 1918 года, которую я планирую опубликовать.

Осенью 1918 года положение детских колоний становилось все хуже: меры

проград, во многих местах шли бои. Петроградская газета «Северная коммуна» в номере от 2 августа (№ 156) писала о том, что чехо-словаки находятся около Челябинска, и крестьяне убивают их за насилия. 28 августа под заголовком «Чехо-словаки в Сибири» (№ 179) сказано, что их гарнизон в Челябинске составляет 180 человек, а в Кургане — 30. Все это читали родители, отправившие своих детей «подкормиться». Денег в колонии не было — не помогали ни платные концерты самодеятельности, ни батрачество старших ребят. Мелкие партии детей были разбросаны по Уралу, Западной Сибири и Казахстану: Миасс, Курган, Троицк, Уйская станица под Тюменью, Тюмень, Ирбит, Томск, Петропавловск в Казахстане. Чудом через фронты прорвалась к детям в Петропавловск зимой 1918 года группа из трех человек, посланная родителями колонистов из Петрограда. В ней были Валерий Альбрехт, Разумов и пастор Саронс от шведского Красного Креста, они привезли деньги, но зимнюю одежду доставить не смогли.

Американцы

И тут, в самый опасный момент, появились спасители — американцы, из-за участия которых в этой истории, только благодаря им закончившейся благополучно, о ней нельзя было писать долгое время в СССР. Это были инспекторы русской миссии американского Красного Креста, появившейся в России вместе с американским экспедиционным корпусом в мае 1918 года. Положение петроградских детей было бедственным, и, как справедливо решили американцы, им «намного нужнее душеспасительных бесед, лекций о морали и хорошем поведении — горячая сытная пища, теплая одежда и надежная крыша над головой».

Американский Красный Крест принял детей под свое покровительство, на-

детской колонии», как она стала именоваться, был назначен полковник Красного Креста Райли А. Х. Аллен. Итак, в поселке Тургояк зимой 1918-1919 годов американцы собрали несколько групп колонистов, привезли теплую одежду, устроили склады, баню, лазарет, наладили учебу и организовали клуб, в котором были хор, оркестр и драматический кружок. Американцы создали также элемент самоуправления — совет старост.

А на Урале и в Сибири с ноября 1918 года установилась власть Верховного правителя Российского государства адмирала А. В. Колчака. Из официального документа американской миссии Красного Креста в России: «Весной 1919 г. армия адмирала Колчака постепенно продвигались к Петрограду с Урала, и казалось, что правительство большевиков может пасть и таким образом детей можно будет вернуть домой в течение лета. Более 500 детей были собраны к этому времени на территории летней фермы у озера Тургояк. Мы надеялись перевезти их оттуда, а также 300 детей, остававшихся в других городах Урала, в Петроград еще летом. Однако судьба повернулась против Колчака. Его армии понесли сокрушительные поражения, и его фронт развалился. Большевики продвигались к озеру Тургояк. Красный Крест счел опасным оставлять детей в зоне боев и решил перевезти их на Восток — сначала в Омск и Томск, затем во Владивосток через всю Сибирь. Их перевозили в насконо оборудованных эшелонах, но эвакуация была завершена без единого инцидента».

И об этой долгой — более двух месяцев — дороге папа почему-то не рассказывал. Помню только один эпизод: папа на спор переплыл то ли Амур (так запомнила я), то ли Иртыш (как уточнил дядя Володя), но какую-то широкую реку с сильным течением. Пловцом папа был прекрасным...

Как же они ехали через Сибирь летом 1919 года? Что видели? Как ни

не только папа, но и многие другие колонисты, с которыми я разговаривала. Не запомнилось из-за однообразия дороги? Или было слишком страшно? А может быть, было вытеснено более поздними яркими впечатлениями или выдавлено из памяти сознательно? Долгая дорога в беленых снаружи и внутри теплушках с красным крестом на дверях. Часто подолгу стояли на путях, часто вокруг стреляли — эшелоны двигались в зоне боев. Дети не голодали, кормили их хорошо, давали даже повидло (это запомнилось), маленьких часто мыли, так как боялись сыпного тифа.

Случались, к несчастью, и трагические события: на стоянке отравились дикими ягодами и умерли брат и сестра Поликарповы, умерла от плеврита Лидия Михайлова, ее похоронили на станции Зима в Иркутской области. Умерла также Настя Альбрехт, которая просила отца, прорвавшегося через фронт из Петрограда в качестве представителя родителей колонистов, забрать ее домой, но он ответил, что приехал не только за ней, но за всеми детьми.

Поезда с детьми шли по Великой Сибирской магистрали — позже она называлась Транссибирской — из Челябинска (садились на станции Миасс, когда в Златоусте уже шли бои) в Омск (где встретились обе колонии — с Урала и из Петропавловска, и поезда стояли на путях неделю), Иркутск, Читу, затем по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин во Владивосток. Проезжали великие сибирские реки, тайгу, озеро Байкал.

Колонист Н. А. Внуков, с которым я беседовала в 1987 году, сказал, что эшелоны с детьми попали к Колчаку и верховный правитель отнесся к ним хорошо, приказал выдать белье, одежду, продукты, но сделал своими заложниками. Эшелоны колонистов отступали вместе с Колчаком,

ком, затем адмирал отправил их на Дальний Восток. Красным партизанам неч

нулись, так эшелон попал к атаману Семенову, потом к японцам в Маньчжурии. Плохо обращался с детьми только атаман Семенов, он порывался призвать старших мальчиков в армию и даже призвал 16 человек, которые так и сгинули на Дальнем Востоке. Другие старшие дети стали, по словам Внукова, разбегаться из эшелона. Но эти сведения не подтверждены имеющимися у меня материалами.

Как бы то ни было, во Владивосток приехали в начале августа 1919 года. Прибыли на станцию Вторая речка, часть старших детей оставили там и поселили в казармах, другую часть колонии на баржах повезли на Русский остров, плыли долго, часа два, на море была качка, и у многих детей началась морская болезнь.

Русский остров, ставший пристанищем колонистов почти на год, находится в бухте Золотой Рог залива Петра Великого Японского моря, к югу от Владивостока, размеры его: в длину — 18 км, в ширину — до 13 км. В 1919 году на нем находились казармы, церковь, хорошее здание американского госпиталя, футбольное поле, пристань и пост японцев (они с апреля 1918 года оккупировали Владивосток). Другого жилья на острове не было, зато был прекрасный лес.

Постепенно жизнь устроилась: дети учились, в том числе осваивая английский язык, очень много занимались спортом, особенно плаванием, боксом и спортивным ориентированием. Учителя спорта звали мистер Вудс. Папа рассказывал, что американцы устраивали соревнования по плаванию в бухте Золотой Рог: поскольку вода была холодная, детям прикрепляли на спину термос с какао, трубочка от термоса шла прямо ко рту, рядом плыли лодки с инструкторами. Устраивали соревнования и по футболу и боксу, ходили в походы. Кроме того, просто купались, загорали, собирали ракушки, гуляли. Был также

клуб, оркестр, устраивались литературные и костюмированные вечера. Единственное, чего не было, — это связи с домом, и из Владивостока вести в колонию не попадали. Дети жили довольно замкнуто. Только один-два раза приезжали из Владивостока скауты.

Американцы решили, что колонистов следует чем-нибудь занять, и пригласили в колонию старшего скаут-мастера А. Г. Новицкого. Идея имела успех — в скаутскую дружину записались 400 человек, вскоре надевших белые галстуки. Но идеи движения удовлетворяли не всех, все-таки колонисты были детьми «красного Петрограда», и жестокая Гражданская война разворачивалась на их глазах, а Новицкий, судя по рассказам колонистов, был «белым» или, по крайней мере, сочувствовал им. Итак, «группа верных ребят под руководством В. Цауне 18 мая 1920 года организует восстание. Заготовлено повстанцами специальное воззвание. Это воззвание распространяется среди других ребят.

Скауты!

Старые основы скаутизма отжили. Скаутизм в колонии грозит исчезнуть, выливаясь в погоню за знаками отличий, нашивками и тому подобной мишурой скаутов монархического и колчаковского строя.

Помня, что истинная цель скаутизма заключается в воспитании самостоятельности будущих граждан свободной России, мы, скауты Второй речки, поднимаем знамя нового скаутизма, в основе которого лежит первый закон: скаут по-

да зарастают красные скауты.
Будьте готовы!

Вторая речка, 18 мая 1920 г.

Когда читаешь это воззвание, кажется, что пионеры возникли тогда, на Второй речке, под Владивостоком, а не в 1922 году, на Пресне в Москве, как считается официально. Правда, нет руководящей роли партии и комсомола — дети оторваны от дома вот уже ровно два года, и еще одна важная деталь: красные скауты повинуются своей совести, а не «делу великого Ленина». Валентину Цауне было тогда 16 лет, он был сыном бухгалтера (совсем не пролетарского происхождения), в дружине скаутов являлся патрульным и, как и другие мальчишки в его возрасте, конечно, очень любил тайны и игру в войну, но его решимость привела к «перевороту» — 30 «повстанцев» захватили штаб скаутской дружины и, сняв белое знамя, водрузили красное. Об этом эпизоде папа тоже мне рассказывал; он был среди тридцати, и его воспоминания напечатаны в пионерских изданиях:

«Я был в отряде Валентина Цауне. Помню «Воззвание», которое он написал. Помню, как собрал нас, младших мальчиков, и сказал:

«Ясно. Старое скаут-движение для нас не годится. Нужно выдвигать новое — красных скаутов, построенное на самодеятельности. Кто готов вместе со мной начать борьбу?»

Большинство сказали: «Готовы». Было решено с боем захватить штаб белых скаутов, сорвать их флаг и водрузить красный... Всей операцией руководил Валентин. Так все и произошло. Не помню, что было дальше. Знаю только, что пришлось уйти в подполье, собираться потихоньку. Мы по-прежнему сами себя называли красными скаутами. Знамя, в отличие от белого скаутского, стало синим с красной полосой (наверное, для маскировки). И галстуки синие вместо белых».

Так что избежать идеологической борьбы в колонии не удалось, но американцы, как ни странно, против красных скаутов не возражали, так как «в этой организации самые ценные и живые ребята. Красные скауты организуют вылазки из колонии, походы, беседы...» И создают свою программу, в которой явно слышны отзвуки классовой борьбы: «Мы не знаем, существует ли в Советской России скаутизм, а если такой есть, то какой он. Но мы не можем допустить мысли, чтобы в Советской России существовал старый скаутизм.

Мы берем за основу воспитать в будущих гражданах Советской России любовь к родине и угнетаемым всего мира и ненависть к угнетателям.

Наши законы:

сознание,

дисциплина,

содружество...

Погрешности в стиле, конечно, есть, но какая вера в свои силы, в справедливость и совесть (совесть снова на первом месте)! По-моему, это прекрасно. И ведь ребята основывались на самодеятельности, их не направляли и им не указывали, что и как делать, они все решали сами. Свои силы колонисты тратили не только на борьбу, но и на учебу. В газете «Правда» приводится выписка из документов американского Красного Креста за 1920 год:

«Они (колонисты. — Е. Р.) продолжали свои занятия, начатые в Петрограде, и переходили из класса в класс, как в своих петроградских школах. Тяга русского человека сегодняшнего дня к знанию, к посещению школы проявляется в искренних стараниях всей колонии не отстать от процесса обучения, несмотря на хаос, царящий в Сибири, их оторванность от дома, необходимость эвакуации из Западной Сибири в Восточную».

Советская власть также внезапно вспомнила о детях: нарком иностранных дел Г. В. Чicherin послал советскому представителю во Владивостоке Виленскому телеграмму, запрашивая о якобы плохом обращении с колонистами, но Виленский удостоверил, что дети находятся в хороших условиях. В утреннем выпуске петроградской «Красной газеты» от 27 марта 1920 года на первой странице, под заголовком «Возвращение питерских детей», было напечатано:

«Тов. Зиновьевым получена из Владивостока от уполномоченного на Дальнем Востоке следующая телеграмма: «Вчера меня посетила миссия американского Красного Креста, сообщившая о своем желании передать советской власти детей петроградского пролетариата, находящихся ныне на Русском острове. Для отправления детей организу-

ется специальный поезд Красного Креста. Дети шлют привет». Уполномоченный на Дальнем Востоке Виленский».

Родителям приходилось узнавать новости о своих детях из газет. В «Известиях» 3 апреля 1920 года была напечатана грозная заметка наркома просвещения А. В. Луначарского под названием «Не все хорошо, что хорошо кончается»:

«В свое время мы сообщали о возмутительном акте, совершенном американским Красным Крестом по отношению к многочисленным детям Петрограда, вывезенным в свое время в колонию Уфимской губернии Союзом городов.

Всех этих детей американцы забрали с собою в бесконечно длинное сибирское путешествие, причем нам с полной точностью был сообщен ряд фактов, свидетельствующих о торопливости этого отъезда, граничащей с жестокостью по отношению к детям, и о мучительных передрягах, которые детишек пришлось пережить. Возмутительнее же всего была самая мотивировка этой жестокой меры: нельзя-де оставлять детей в руках у большевиков, которые развернут их.

После этого поползли еще более плохие слухи, но являющиеся скорее плодом фантазии. Слухи эти были мучительны для родителей детишек, и весь подвиг американского Красного Креста в совокупности представляет собою комбинацию бесчеловечных пыток многих сотен человеческих существ.

К счастью, дело кончилось благодаря подвигам Красной армии лучше, чем можно было ждать, и в настоящее время

нами получено следующее радио из Карлсборга: «Нижеследующее получено сегодня посольством: «Американский Красный Крест просит передать следующее: в Петроград, Комисариату здравоохранения и секции детских колоний, мальчиков (число не указано в тексте. — Е. Р.) и 283 руководителя находятся в (так в тексте. — Е. Р.) Русском острове во Владивостокском порту. Список фамилий и имен послан почтой. Все дети здоро-

вым крестом предупреждены и всем необходимым. Приняты меры для попечения о них Красной Армией. Осуществляется окончательный план о возвращении на родину возможно скорей. Предполагается вернуть детей в Петроград пароходом или по железной дороге. врачи и необходимый персонал будут сопровождать детей». Морис Скриб».

Не думает ли почтеннейший Морис Скриб, что было бы гораздо проще оставить в свое время детей нам, чтобы они совершили свое путешествие в родительские объятия из Уфы (повторение ошибки, надо: с Урала. — Е. Р.) в Петроград, а не из Владивостока вокруг всей Азии в какой-либо из черноморских портов или вокруг всей Европы в Петроград?

Конечно, то, что благополучно кончается, лучше, чем кончающееся сплошным горем, однако неожиданной переменой своего отношения к извергам большевикам, могущим только развалить детей, Красный Крест не может загладить всего легкомыслия и всей бес-

сердечности проделанной им над детскими и родительскими сердцами операции».

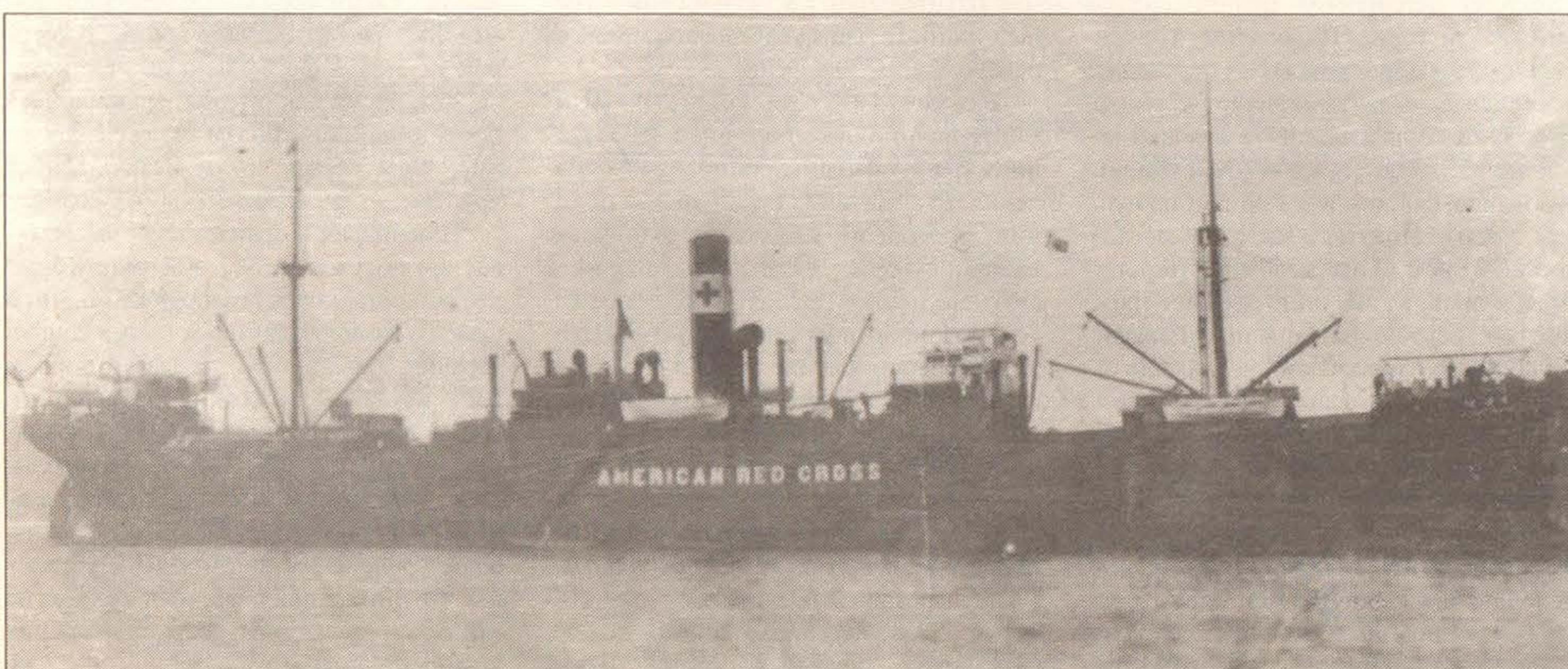
Риторика наркома вращается вокруг тезиса о торопливости отъезда с Урала (но там ведь шли бои, в которых «детишки» могли просто погибнуть как случайные жертвы или заложники!), касаясь также мотивировки этого отъезда (американская администрация не заявляла об опасности оставления детей «в

ев). Я склоняюсь к вполне резонной мысли, что попечение Красного Креста было для колонистов спасением.

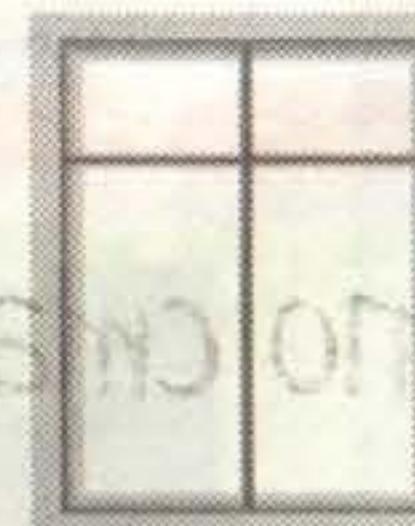
В это время американская администрация как раз рассматривала возможности отправки детей домой. Были даже приготовлены эшелоны, но и весной-летом 1920 года везти колонию в Петроград через Дальний Восток, Сибирь, Урал не представлялось возможным. Безопасность не могла быть обеспечена, так как во многих местах еще продолжались бои, были разрушены железнодорожные пути, в стране властвовала разруха. И тогда принимается решение везти детей через Атлантический и Тихий океаны в один из портов на Балтике!

Требовалось зафрахтовать океанское судно, но ни одного американского корабля найти не удалось (летом 1920 года США выводили свой экспедиционный корпус из России), вообще ни одного парохода, за фрахт которого надо было платить в твердой валюте. И тут поручение Р. Х. Аллена взялся выполнить Барл Бремхолл, «завхоз» колонии. Вот эта история в пересказе спецкора «Правды» В. Большакова:

«У меня было на руках тогда 250 тысяч рублей в керенках и царских ассигнациях. Я понимал, что скоро эти деньги обратятся в никому не нужные бумажки, и поэтому выехал в Харбин, где были целые ряды меняльных лавок. Я побаивался, что создам инфляцию на этом черном рынке, если выпложу сразу все свои деньги. Поэтому мне пришло заниматься обменом почти месяц и выкидывать на рынок, чтобы не вызвать подозрения, небольшие суммы. Но в конце концов я все поменял на доллары». Кстати, Н. А. Внуков рассказывал мне, что Брэмхолл собрал деньги и у колонистов, так что и их лепта была вложена во фрахт парохода.

Елена РУМАНОВСКАЯ

Кругосветное путешествие на фоне Гражданской войны в России

(Окончание. Начало в «Окнах» от 25.11.2004)

Сухогруз «Йомей-мару»

На доллары наняли японский сухогруз «Йомей-мару», водоизмещением 10 тысяч тонн, ходивший со скоростью 10 узлов (18,5 км/час), с японской командой, во главе с капитаном Кэя Хара. Около месяца заняла переделка судна для путешествия более тысячи человек (около 800 детей и 283 руководителя, как сказано в заметке А. В. Лунарского). Погрузились на корабль 12 июля и отплыли из Владивостока 13 июля 1920 г., в 4 часа утра.

В документальном фильме «Миссия» были процитированы слова из дневника Р. Х. Аллена: мы «отправляемся с самыми впечатлительными и чувствительными в мире детьми». Там же было сказано, что самому старшему колонисту было 20 лет, а самому младшему — 3 года 10 месяцев (видимо, это был ребенок кого-то из сопровождавших колонию взрослых). В дневнике Аллена упоминались и более грустные данные: «Истерия — 1, шизофрения — 2, не исключена попытка самоубийства». Что же касается национального состава Петроградской колонии, то он был пестрым: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, латыши, эстонцы, два француза, англичанин, швед, иранец и финн. Брэмхолл называл корабль Ноевым ковчегом.

У меня хранится рукописный дневник путешествия и альбом с фотографиями, принадлежавшие Михаилу Ивановичу Холину (они были переданы его родственниками ленинградской журналистке Анне Моисеевне Мойжес, а она подарила их мне в 1986 г., отчаявшись опубликовать в СССР). В своем рассказе я использую эти материалы, планируя в дальнейшем опубликовать дневник полностью.

М. Холин весьма пунктуально отмечал все детали быта и режима, например при первом появлении на корабле он записал: «12 июля 1920 г. Оказалось, что здесь устроено не так уж плохо, как говорили у нас. Кровати в два этажа, и двойные, разделенные доской. Пароход совсем новый, построен в прошлом году. Скоро после нашей погрузки был ужин, который состоял из супа, бульона и чаю, и потом хлеб с маслом, на первый раз хороший. После ужина на носовой палубе играл американский оркестр, а на корме — второреченский».

15 июля прибыли в Японию в порт Муроран на острове Хоккайдо. Папа рассказывал, как это было интересно и необычно: их повели на экскурсию в школу, где японские школьники показывали

концерт, в цирк, где представляли национальные виды борьбы; на улицах все были в сандалиях на деревянных колодках, и потому постоянно слышался стук. Колонистам выдали карманные деньги, старшим немного больше, младшим — меньше, папа и его братья сложились и купили фотоаппарат «Кодак», которым и начали фотографировать. К сожалению, фотоаппарат и многие другие вещи были украдены у мальчиков едва ли не в день приезда в Петроград, когда их выселили до самого дома, а оставшиеся фотографии в большинстве своем пропали во время ленинградской блокады.

16 июля отплыли из Мурорана. Режим на корабле был строгий: подъем в 5.30, умывание, построение на зарядку вдоль бортов судна, завтрак, занятия, обед, свободное время на кружки, чтение, собрания и прочее, ужин, развлечения, среди которых кинематограф и танцы, отбой в 10.30 вечера.

Занятия проходили, вероятно, в разных группах по-разному, в зависимости от наличия преподавателей по предметам. Занимались музыкой, пением, рисованием, английским языком, математикой, физикой, русским языком и словесностью. На корабле была библиотека с научным и беллетристическим отделами, «из последнего отдела книгу можно держать три дня, из первого же неделю» (М. Холин).

Папа рассказывал, что на пароходе они много времени наблюдали за океаном, им давали пояснения, проводились также занятия по размещению в спасательных шлюпках (в шлюпках с девочками обязательно были старшие мальчики, чтобы грести) и ложные тревоги. Ночью с 23 на 24 июля въехали в западное полуостровье, и «для того, чтобы не было после пуганий, американцы решили сделать эту неделю не в семь, а в восемь дней» (М. Холин). На борту «Йомей-мару» два

следующий номер: на сцене был большой бассейн, в который прыгали артисты, исчезающие затем из поля зрения (выплывали они уже за пределами зала).

На следующий день дети побывали в парке «Золотые ворота», там они устроили концерт. Американцы не верились, что дети из «дикой страны» умеют играть на музыкальных инструментах, ставить спектакли, петь, но успех был потрясающим, артистов забрасывали цветами, насыпали целую клумбу подарков.

В Сан-Франциско провели три дня, и «Йомей-мару», отплыв с 29-го причала, взял курс на Нью-Йорк через Панамский канал. Плыли вдоль берегов Америки, пересекли тропик Рака (Северный) и 14 августа прибыли в город Панама, столицу страны Панама и порт у входа в Панамский канал, самую южную точку путешествия. На следующее утро, 15 августа, корабль двинулся по каналу, длина которого составляет 81,6 км. Пароход тянул паровоз, идущий рядом с каналом по узкоколейке. Пока стояли в шлюзах, люди, собравшиеся на берегу, бросали детям на борт журналы, фрукты, шоколад, печенье. Каждый набрал по большому мешку разных сладостей, и кое-кто, конечно, обсыпался и страдал животом.

Самое захватывающее папино впечатление от канала — это место, где позади внизу на очень большое расстояние был виден Тихий океан, а впереди — Атлантический, и оба сияли на солнце.

Нью-Йорк

Юные разведчики (бывшие «красные скауты») 15 августа провели заседание штаба по очень серьезному вопросу — о признании Советов. Да, представьте себе, на японском корабле под американским флагом, посреди океана, несколько десятков подростков решают идеологический вопрос, который многих в эти годы ставил в тупик и разрушал жизнь.

Итак, издается:

Приказ № 1 по дружине «Йомей-мару», Тихий океан.

1. Официально на заседании главного штаба 15 августа 1920 г. признан Русский Совет народных комиссаров, и достояние дружине красных разведчиков, как нравственное, так и материальное, признано достоянием РСФСР.

2. Национальным флагом признан флаг РСФСР — красный, и герб его — серп и молот.

3. Национальным гимном признан гимн РСФСР — «Интернационал».

Председатель штаба В. Цауне. Генеральный секретарь Э. Гольдтман. Члены штаба: Г. Зуев, М. Богданова, Е. Хвостиков, Е. Цауне.

Выбор был сделан — юные разведчики официально признали себя советскими. Интересно, о каком материальном достоянии, кроме личных вещей, могла идти речь? И еще важнее, как они понимали свое «нравственное достояние» достоянием РСФСР? То есть свою мораль они считали соответствующей советской морали — вероятно, так. Кстати, прибыв в Нью-Йорк, красные разведчики зарегистрировали себя в советском бюро в США как организацию РСФСР. И опять все было сделано подростками самостоятельно.

После «приказа № 1» некоторые покинули дружину, и она превратилась в отряд — «девятнадцать человек мальчиков да человек двадцать девочек», как пишет М. Холин, продолжая: «Я лично рад, что все поступившие в нашу организацию для времепровождения выписались».

Вскоре всем колонистам, не только красным разведчикам, пришлось решать практический вопрос, возвращаться ли в Россию: за несколько дней до приезда в Нью-Йорк была получена телеграмма из Вашингтона с сообщением, что колонисты поедут не домой, а во Францию, там, в районе Бордо, уже были приготовлены для детей казармы французских моряков. Их хотели превратить, по словам папы, в «премещенных лиц», на что большинство не согласилось, подписав протест (582 подписи). Был также слух, о котором пишет М. Холин, что «всех не чисто русских будут отсыпать в те страны, к которым они принадлежат». Автор дневника беспокоился, не отправят ли его с братьями в Латвию. Интересно, предполагалось ли отправить евреев в Палестину?

Но пока обсуждались эти вопросы и на руководство Красного Креста оказывалось сильное давление, «Йомей-мару» прибыл в Нью-Йорк.

28 августа 1920 г. газета «Русский голос» вышла с лозунгом «Привет вам, дети свободной России!» и на первой странице напечатала: «780 детей прибудут сегодня в нью-йоркский порт и остановятся (вероятно, корабль. — Е. Р.) у пристани (Манхэттен пир) в Джорджи Сити. С парохода дети будут доставлены в лагерь Форт Водсторт, Стэйтен Айленд» (транскрипция названий здесь и далее сохраняется по источникам. — Е. Р.)

Колонистов пришли встретить 3 тысячи бывших русских подданных и журналисты почти всех нью-йоркских газет. Прием был еще горячее, чем в Сан-Франциско. Одна из газет вышла с заголовком «Настоящие цветы русской юности». Тем не менее колонисты опять жили на острове в военных казармах под охраной — американцы очень боялись «коммунистической заразы».

29 августа на острове устроили «Русский базар»: построили русские избы и колодец, но базара как такового не было, зато приехали «почти все пятнадцать тысяч русских, которые живут в Нью-Йорке», по словам М. Холина. Многие приехавшие искали знакомых или родственников, к папе и его братьям также подходили американские Канторы, быть может, однофамильцы, быть может, родственники.

В понедельник на автобусах ездили осматривать город, видели небоскребы, могилу генерала Гранта и его жены. В другие дни ездили по Гудзону, осматривали Военную академию, побывали в «Гипподроме» (не то театр, не то цирк с роскошными декорациями и не менее чем 100 артистами), были в зоопарке, очень большом и зеленом. Папа рассказывал мне, а я дрожала от ужаса, слушая, как служитель, бывший цирковой борец, раскручивал свернутого удава, а тот снова обивался вокруг него.

Тем временем продолжалась борьба за возвращение в Россию, 400 старших колонистов собрались на митинг и избрали революционный (!) комитет. Комитет составил письмо:

«Протест по поводу отправки колонии во Францию.

Мы, колонисты и колонистки Петроградской детской колонии, заявляем американскому Красному Кресту, что мы во Францию не поедем. Мы не можем поехать во Францию, в государство, благодаря которому население России десятками и сотнями тысяч умирало и умирает от последствий блокады, орудия войны, посылаемые ею в Польшу, уносили и уносят в могилу сотни тысяч русских молодых сил.

Мы не можем жить в стране, где русские солдаты, проливавшие кровь в продолжение нескольких лет на Западном фронте за чуждые русским интересы Франции, были ими расстреляны или отправлены на катаржные работы в Африку. Если американский Красный Крест до сих пор не учтивал того, что среди нас есть вполне сознательный многочисленный элемент, то этим мы обращаем внимание американского Красного Креста на это обстоятельство и требуем, чтобы американский Красный Крест изменил свое решение относительно отправки нас во Францию и отправил нас в Петроград.

Протест колонистов был передан представителю РСФСР в США Л. К. Мартенсу и напечатан в газете «Новое русское слово» 3 сентября 1920 г. Газета на русском языке «Американские известия» за то же число вышла с лозунгом «Не везите детей в Бордо» и с объявлением:

«В субботу, 4 сентября в Мэдисон Сквер Гарден состоится прием 800 русских детей. Будет роскошный концерт:

Симфонический оркестр Альтшулера и Русско-украинский хор.

Приветствия русской колонии.

Начало в 1 час дня. Вход бесплатный.

Пропуски можно достать в «Американских известиях».

В Мэдисон Сквер Гарден, куда пришло, по данным газет, 15 тысяч человек, детей встретили громом рукоплесканий и криками «ура». После концерта говорили речи представители русской колонии Нью-Йорка, Мартене и делегаты колонистов — Владимир Смолянинов и Юрий Задворников. Встреча длилась 3 часа.

Кроме того, было запланировано несколько митингов протеста против отправки детей во Францию. Газета «Русский голос» от 4 сентября 1920 г. сообщала о митинге, устраиваемом Американским женским обществом в Лексингтон Опера Гауз (51-я улица и Лексингтон авеню). В статье В. И. Кручининой-Богдановой цитируется листовка: «Митинг против отсылки американским Красным Крестом детей петроградской колонии во Францию. Состоится в клубе 371, Зиллис авеню, Бронкс, Нью-Йорк. Сегодня, 9 сентября в 9 часов вечера. Пусть приходит как можно больше народа. Выступления ораторов на английском, русском и латышском языках».

Некоторые члены русской колонии предлагали усыновить или удочерить кого-нибудь из детей. Папа тоже получил такое предложение и отказался. Он рассказывал, что охраняли их не очень строго, и несколько старших мальчиков, и он в том числе, сбежали, чтобы подготовить митинг. Обставлено все было по правилам: одна группа отвлекала американского солдата-часового, другая помогала перебраться через ограду беглецу, которого с той стороны уже ждал кто-нибудь из русских иммигрантов, постоянно дежуривших около форта. Папин рассказ звучал примерно так:

«Я перебрался через ограду, меня схватил мужчина, говоривший по-русски, и потащил на катер. Мужчина повез меня в большой торговый центр, где было все, что душе угодно. Первым делом он отвел меня в баню, купил мне новое белье и одежду, потом в парикмахерскую, потом чем-то угождал в кафе и наконец отвез к себе домой. Я так хотел спать, что дома сразу заснул, а проснулся оттого, что мне пытались поднять веки — я слишком долго спал. Вокруг меня собралась вся семья, и меня стали спрашивать: «Мама есть?» — «Да». — «Это маме». «А папа есть?» — «Есть». — «Это папе» — и давали подарки».

Американский свитер сохранился в семье еще долго, был, кажется, портсигар и что-то еще, но все, кроме свитера, было украдено сразу по приезде в Петроград.

С охраной форта произошла и трагическая история: американский солдат случайно (думая, что ружье не заряжено) застрелил одного из колонистов, лет 15, с которым начал в шутку бороться. Солдат был так потрясен, что хотел сам тут же заколоться штыком, но старшие ребята отобрали у него штык. Солдата отдали под суд, а колонисты подписали письмо, чтобы его не наказывали слишком строго.

Во вторую неделю пребывания в Нью-Йорке ребята не ездили ни на какие экскурсии, и без того шум от их присутствия получился большой: о них писали все газеты, колонисты устраивали митинги, Советское правительство посыпало телеграммы в США, Мартене хлопотал — и наконец «план Бордо» был отменен. На ставший уже родным «Йомей-мару» дети вернулись 11 сентября, потребовав и получив официальное подтверждение от Красного Креста, что во Францию их не повезут (без таких гарантит старшие колонисты отказывались возвращаться на пароход). Замечу, кстати, что протест подписали не все: по разным данным, от 400 до 572 человек, — в колонии же было не менее 777, кроме того, воспитатели скорее склонны были остаться в США или в Европе, так что выбор был сделан колонистами самостоятельно.

В Европу

Русская колония Нью-Йорка подарила каждому колонисту новый костюм, белье

и чемодан, а американский Красный Крест снабдил судно не только припасами, но и холодильниками, электровентиляционными установками, кинопроекторами, оборудованием для госпиталя и хлебопекарни. Но, по словам М. Холина, американцы стали относиться к ним хуже, что проявилось, например, в эпизоде с книгами:

«Книг нам пожертвовали около 400 штук. Жалко, что при погрузке книги на пароход два ящика были сожжены, в одном был Толстой, а в другом — не знаю, какие книги. Американцы находят, что эти книги нецензурны и поэтому их нельзя везти с собой. Вообще теперь американцы стали относиться куда хуже, чем прежде. Когда старшие мальчики пошли к Аллену спросить причину того, что сожгли ящики, то он ответил, что не желает с ними разговаривать».

Не все петроградские воспитатели возвращались в Россию, многие захотели остаться. А «Йомей-мару» направлялся через Атлантику в Европу, держа курс на французский Брест, хотя конечный порт назначения не был определен: Петроград исключался, Рига и Ревель (Таллин) — не принимали, Финляндия находилась с Советской Россией в состоянии войны; намечали Копенгаген.

На пароходе шла обычная жизнь —дежурства, танцы, кинематограф, — прерванная страшным происшествием: умерла после операции одна из русских воспитательниц, Мария Матвеевна Горбачева, и ее пришлось хоронить в океане (это было 16 сентября 1920 г.). Тело зашили в брезентовый саван, отслужили панихиду (на борту был священник), капитан Кэя Хара скомандовал, и мешок бросили в воду. Папа рассказывал, какое страшное впечатление произвело на них то, что акулы, стаи шедшие за кораблем, в ту же секунду разорвали саван, хотя американцы стреляли в них, пытаясь отогнать.

Во французском порту Бресте простояли три дня, но колонисты решили на берег не сходить, так как все еще опасались, что их оставят во Франции. Директор же местного отделения американского Красного Креста, посетив колонию, оценил ее так: «Нигде в Европе вы не найдете такой большой группы столь хорошо откормленных и ухоженных молодых людей!»

Американцы, получившие в ноябре 1918 г. голодных и раздетых петроградских детей, могли быть довольны. Кроме Аллены и Брэмхолла, это были доктора медицины Калтер, Будс, Дельгаде, врачи Дэвидсон и Гугемус, воспитательница Глэдис Герман и другие, имен которых я не знаю.

Следующая остановка была в немецком порту Киле, затем — в Гельсингфорсе (Хельсинки), там «Йомей-мару» встал на рейде, но был отправлен дальше, в порт Койвисто (сейчас — Приморск Ленинградской области). В Койвисто прибыли 9 октября.

